

В. Козина*

Карагандинский национальный исследовательский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

(E-mail: vkozina55@mail.ru)

Чистка партийного и государственного аппарата Карагандинской области в 1929–1933 гг. как составляющая часть политических репрессий

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Советский Союз вступил в период глубоких политических и социальных преобразований. Карагандинская область, активно развивавшаяся как индустриальный регион, стала ареной массовых политических репрессий, включая чистки государственного и партийного аппарата. Эти меры рассматривались как средство усиления контроля, устранения оппозиции и «очищения» партии от «ненадежных элементов». Статья посвящена исследованию партийных чисток 1929–1933 годов в регионе на основе материалов Государственного архива Карагандинской области (ГАКО), включая нормативно-правовые документы, протоколы заседаний проверочных комиссий и списки исключенных из ВКП(б). Рассматриваются примеры исключения членов партии за антисоветскую деятельность, связь с контрреволюционными элементами, уклонение от дисциплины и нарушение социалистической идеологии. Вместе с тем, ограниченность архивной базы, обусловленная тем, что многие документы долгое время оставались засекреченными и лишь недавно стали доступны для научного изучения, не дает полного представления о действии механизма чисток, об отличии и взаимосвязи между отдельными этапами их осуществления. Но даже с учетом этих обстоятельств, настоящее исследование позволяет определить основную причину репрессий против значительной части партийного актива и сделать вывод о том, что чистка партийного аппарата в 1929–1933 годах стала важной частью политических репрессий в регионе, оказав разрушительное влияние на развитие Карагандинской области и на судьбы тысяч людей, став трагической страницей в истории Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, Карагандинская область, партийные чистки, ВКП(б), контрреволюция, партийные взыскания, национализм, социальное переустройство, архивные материалы.

Введение

На рубеже 1920–1930-х годов в стране разворачиваются масштабные процессы политической и социальной трансформации. В этот период происходит ускоренная индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, формируются новые управленческие и партийные структуры, сопровождающиеся усилением централизованного контроля и репрессивной политики. Карагандинская область, активно развивавшаяся как индустриальный регион, оказалась в эпицентре этих процессов. Одной из форм политического давления стали партийные чистки — массовые кампании по исключению «ненадежных» членов из рядов ВКП(б) как способ укрепления партийной дисциплины и устранения инакомыслия. Причины чисток были многослойными: усиление борьбы с так называемыми «классовыми врагами», стремление центра очистить партию от лиц с чуждым социальным происхождением, с сомнительной биографией, слабо вовлеченных в партийную деятельность, а также тех, кто сохранял связи с религиозными институтами или национальными движениями (в том числе с алашординцами). Чистки становились инструментом, мобилизации устрашения и управления социальным полем в условиях форсированной модернизации.

Целью настоящего исследования является изучение партийных чисток в Карагандинской области в 1929–1933 годах как составной части политических репрессий, а также анализ конкретных механизмов, применявшихся при исключении членов и кандидатов в члены ВКП(б).

Задачи исследования включают: анализ нормативно-правовой базы партийных чисток; выявление мотивов и причин исключений; рассмотрение последствий для политической, социальной и хозяйственной жизни региона.

Для полного понимания того, как партийные чистки и другие репрессивные меры использовались для формирования управляемой социальной среды и укрепления власти, целесообразно привлечение фундаментальных трудов как зарубежных, так и отечественных ученых, в которых представлен

* Автор-корреспондент. E-mail: vkozina55@mail.ru

глубокий анализ механизмов репрессивной мобилизации и модернизации сверху, характерных для авторитарных режимов, включая советский опыт [1–4].

Несмотря на наличие значительного числа исследований, посвящённых политическим репрессиям в СССР и Казахстане, в историографии сохраняются значительные пробелы. В работах российских исследователей: Медведева Р.А., Папкова С.А., Волкогонова Д.А., Ципко А.Н. и др. [5–9], а также в коллективных монографиях, сборниках статей ученых, публицистов о сталинизме, изданиях архивных документов, рассматриваются общесоюзные механизмы репрессивной политики, однако региональные особенности, в том числе казахстанские реалии, остаются преимущественно вне поля зрения [10].

Казахстанская историография, представленная трудами Козыбаева М.К., Алдажуманова К.С., Абылхожина Ж.Б., Татимова М.Б., Амрекулова Н.А., Тастанова Ш.О., Осипова В.П. и других исследователей, сыграла фундаментальную роль в изучении репрессивной политики советского государства. Эти работы заложили основу для понимания масштабов террора, его идеологических предпосылок, социальных последствий и региональной специфики. Вместе с тем их внимание преимущественно сфокусировано на периоде «большого террора» 1937–1938 гг. или отдельных аспектах карательной политики, что также не охватывает ранний этап политических репрессий — партийные чистки конца 1920-х — начала 1930-х гг. [11–18]. Отдельное направление составляет изучение региональной специфики репрессивной политики. В работах Д.А. Шаймуханова и С.Д. Шаймухановой исследуются становление тоталитарной системы, создание и функционирование Карлага, структура заключенного контингента, условия содержания, история ИТЛ «АЛЖИР», особенности производственной, культурно-воспитательной и научной деятельности [19–20].

Среди исследований, освещающих политические репрессии в Центральном Казахстане, выделяются работы Н.О. Дулатбекова. Он является автором и руководителем ряда изданий, основанных на архивных документах, фотоматериалах и свидетельствах: об истории Карлага, судьбах заключенных и документальном наследии лагерной системы региона. Под его редакцией изданы документальные альбомы, научно-популярные и исследовательские труды на русском, казахском и английском языках [21–25].

Среди региональных исследований особое место занимают труды З.Г. Сактагановой. Ею впервые была предпринята попытка систематизации репрессивной политики в Казахстане: выделены основные этапы, даны характеристики каждому из них и обозначена специфика проявления репрессий в республике по сравнению с общесоюзными процессами. Важной составляющей её исследований стало обращение к теме репрессий в отношении детей, находившихся в казахстанских лагерях системы ГУЛАГ, что стало одним из первых научных обращений к данной проблематике [26–27].

Таким образом, несмотря на наличие фундаментальных работ по истории репрессивной политики в СССР и Казахстане, тема партийных чисток в Карагандинской области в 1929–1933 гг. остается недостаточно изученной. Она требует специального исследования, основанного на комплексе архивных документов, позволяющих выявить причины, механизмы и региональную специфику данного процесса.

Настоящая работа стремится восполнить указанный историографический пробел, введя в научный оборот ранее недоступные документы и представив анализ партийных чисток как элемент широкой системы политического контроля, развернутой в условиях сталинской трансформации общества.

Материалы и методы

Важным ограничением для исследователей долгое время был закрытый доступ к партийным архивам, особенно к фондам местных проверочных комиссий. Только в последние годы в Государственном архиве Карагандинской области (ГАКО) началась работа по рассекречиванию материалов партийных фондов. Эти источники впервые позволяют реконструировать логику чисток, проанализировать их повседневную практику и масштаб в конкретном регионе. Вместе с тем изучение этих документов не даёт полной картины происходивших процессов. Материалы разрозненны, охватывают отдельные годы, не всегда сопровождаются пояснительной документацией, а решения комиссий зачастую не содержат обоснованных объяснений. Большая часть материалов исполнена на тоте жазу или латинице. Это ставит перед исследователем задачу критического анализа и сопоставления с другими источниками, а также требует осторожности при формулировке выводов.

Источниковую базу исследования составляют архивные документы фондов Государственного архива Карагандинской области (ГАКО): Фонд 363п. — Карагандинская областная партийная колле-

гия при Уполномоченном комитете партийного контроля КазССР; Фонд 717п. — Партархив Карагандинского обкома Компартии Казахстана; Фонд 822п. — Контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ) Карагандинской области; Фонд 1п. — Карагандинский обком ВКП(б); Фонд 3п. — Карагандинский горком ВКП(б); Фонд 9п. — Каркаралинский окружной комитет ВКП(б); Фонд 10п. — Каркаралинский райком Компартии Казахстана. В них содержатся протоколы заседаний центральных и региональных проверочных комиссий, учётные карточки о наложении партийных взысканий, списки исключённых из ВКП(б), докладные записки, а также служебная переписка партийных органов. Эти материалы включают решения партийных органов, протоколы заседаний, документы, касающиеся исключения членов партии и расследований по делам партийных чисток, а также показания по конкретным делам. Изучение этих документов дает возможность понять, как происходила процедура чистки на местном уровне, какие факторы влияли на принятие решений и какие методы использовались для определения «виновных».

Особое значение имеют нормативные документы, регулирующие порядок проведения чисток, в частности: Постановление ЦИК и СНК № 124 «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» от 1 июня 1929 г. [28; 16–19, 24–25]; Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О чистке партии» от 28 апреля 1933 г. [29]; «Инструкция о порядке проведения чистки ВКП(б)», утверждённая в 1929 г., содержащая чёткие критерии, по которым подлежали исключению члены и кандидаты партии [30; 7]. Эти материалы свидетельствуют о том, что чистки представляли собой организованный, централизованный процесс, направленный на «оздоровление» партийных рядов.

В работе использованы материалы из дел конкретных исключённых: Смагула Бекпаева, Исакана Жундыбаева, Калыка Шонтаевича Шотбаева и других, что позволило провести микроисторический анализ и реконструировать типичные сценарии партийных репрессий.

Методологически исследование опирается на историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также метод микроистории, позволяющий отследить, как макроисторические процессы трансформировались в региональной и индивидуальной плоскости. Кроме того, применялся историко-архивный метод — для сбора и анализа первичных документов, связанных с партийными чистками. Это позволило воссоздать исторический контекст чисток, выявить характерные черты и особенности этого процесса в Карагандинской области, а также понять динамику репрессий на местном уровне. Историко-социологический метод применялся для анализа социального контекста событий, он позволил оценить влияние партийных чисток на общественные и политические процессы в Карагандинской области, а также на отношения между различными социальными и политическими группами в этот период. Мифо-структурный метод — использовался для анализа оправдательных конструкций, присутствующих в документах, а также для выявления механизмов, с помощью которых партийные решения были оправданы как неотъемлемая часть борьбы с «врагами» социалистического строя и обеспечения чистоты партийных рядов. Использование сочетания этих методов позволило глубже понять, как партийные чистки в Карагандинской области отражались в местных партийных структурах.

Результаты

Партийные чистки в конце 1920-х — начале 1930-х годов стали важнейшим инструментом внутривнутрипартийного контроля и «самоочищения» ВКП(б). Они проводились в соответствии с рядом нормативными документами, главным из которых стало Постановление ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б) от 7 ноября 1929 года «О чистке партии», а также разработанная на его основе Инструкция о порядке проведения чистки. Эти документы закладывали как идеологическую, так и организационную основу кампании по выявлению «враждебных», «пассивных» и «чуждых» элементов в рядах партии.

В Постановлении 1929 года подчёркивалось, что чистка должна служить «средством большевистского самовоспитания и самокритики», направленным на укрепление дисциплины и идеологической устойчивости в рядах партии. Ключевыми критериями для исключения являлись принадлежность к «классово чуждым элементам», «политическая пассивность», «уклонение от общественно-полезного труда» и «несоблюдение партийной дисциплины». Упор делался на очищение от «бюрократии», оторванности от масс и на вовлечение беспартийных трудящихся в процесс проверки. В документе также обращалось внимание на недопустимость превращения чистки в кампанию мести или сведения личных счётов [28; 24].

Приложенная к Постановлению Инструкция о порядке проведения чистки предусматривала строго регламентированную процедуру, которая распространялась на все уровни партийной организации — от центральных до низовых. В ней детально описывались этапы чистки.

1. Формирование комиссий по чистке. В регионах создавались специальные комиссии из числа наиболее надёжных и проверенных членов партии, часто с привлечением представителей из центра. В состав комиссии входили представители местных парторганов, органов РКИ (рабоче-крестьянской инспекции), а также активисты из числа беспартийных трудящихся.

2. Проведение открытых собраний первичных партийных организаций на местах. На этих собраниях заслушивались характеристики, отчёты, выносились мнения о партийной активности, отношении к труду и дисциплине каждого члена партии.

3. В соответствии с установками Инструкции в заседаниях было обязательным участие представителей беспартийного актива и трудовых коллективов. Участие общественности призвано было делать процесс «гласным», подчёркивая его якобы массово-демократический характер. Каждому обсуждаемому предоставлялось право на самозащиту и самооценку, а всем членам собрания — право на высказывание мнений. Таким образом, чистка декларировалась как «большевистский акт воспитания». Вместе с тем на практике эти права часто носили формальный характер и мало влияли на итоговое решение комиссии.

4. Оформление итогов и утверждение решений. Решения первичных организаций и комиссий направлялись на утверждение в вышестоящие парткомитеты, которые могли пересмотреть исключения или дать указание на пересмотр дела. В случае серьёзных обвинений материалы передавались в органы ОГПУ.

На местах реализации Инструкция сопровождалась рассылкой директив обкомов и губкомов, где устанавливались сроки проведения чисток, критерии оценки и перечни категорий, подлежащих особому вниманию. В Карагандинском окружкоме, к примеру, создавались передвижные комиссии, выезжавшие в шахтёрские и сельские районы области, включая Карагандинские рудники и колхозы. В них входили представители окружного парткома, отделов кадров, органов ГПУ и редакций партийных газет.

Процедура сопровождалась значительным административным и идеологическим давлением: активу предписывалось обеспечивать «боевую обстановку», а за пассивность на собраниях могли последовать оргвыводы. Формировалась атмосфера подозрительности, поощрялась критика и доносительство, а само участие в комиссии рассматривалось как проявление преданности партии. Таким образом, несмотря на формально декларируемые цели — укрепление партийной дисциплины, повышение ответственности и оздоровление рядов, на практике чистки приобрели карательный, репрессивный характер. В условиях тотальной мобилизации общества, укрепления командно-административной системы и нарастания внутрипартийной борьбы, Инструкция стала инструментом политической селекции и идеологического давления, особенно заметного в регионах, где отсутствовала устоявшаяся партийная инфраструктура [28; 7].

К 1933 году, после ускоренной индустриализации, коллективизации, жестоко подавленных протестных волнений 1929–32 годов, голода 1931–1933 и массового пополнения партии за счёт рабочих и крестьян, стало очевидно, что предыдущие механизмы не обеспечили требуемую «идеологическую чистоту». Это отразилось в Постановлении от 28 апреля 1933 года, где были даны более жёсткие формулировки и установлены приоритеты «железной пролетарской дисциплины» и «боеспособности партии». Документ фиксировал резкий рост численности партии — до 3,2 млн членов и кандидатов и подчёркивал, что массовый приём открыл путь «чуждым», «двурушническим» и «карьеристским» элементам. Наряду с этим внимание акцентировалось на необходимости перевода политически неграмотных членов в кандидаты или даже в сочувствующих с последующей возможностью восстановления. Подчёркивалась роль беспартийных масс в деле чистки и необходимость открытых собраний с привлечением широкого актива. Было установлено провести чистку в 1933 году и «организовать дело чистки партии таким образом, чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадёжных, неустойчивых и примазавшихся элементов». Партия руководствовалась при этом постановлением II-го конгресса Коминтерна от 30 июля 1920 года, в силу которого «коммунистические партии всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазавшихся к ней мелко-буржуазных элементов». Исходя из этой директивы Коминтерна, были проведены партийная перерегистрация в

1920 году, чистка партии в 1921 году, чистка непроизводительных ячеек в 1924 году, проверка деревенских ячеек в 1925 году, партийная чистка в 1929-1930 годах. Эти чистки и перерегистрации, было указано в Постановлении, укрепляли ряды партии, поднимали её боеспособность, усиливали чувство ответственности каждого члена партии за работу партии» [29].

Таким образом, нормативно-правовая база закладывала противоречивую основу: с одной стороны — декларация открытости, самокритики и партвоспитания, с другой — установка на удаление всех, кто не соответствует идеалу «большевистской твёрдости». Чистки становились удобным инструментом для дисциплинарного контроля и политической селекции, в особенности в условиях нарастания репрессивных тенденций в начале 1930-х годов.

В региональных партийных организациях, таких как Карагандинская, нормативы принимались к исполнению в форме циркуляров и распоряжений губкомов и обкомов, а также реализовывались через деятельность специальных комиссий по чистке, созданных из «устойчивых» коммунистов.

Важнейшей частью исследования стала работа с документами вышеупомянутых ранее закрытых архивных фондов, в частности с Протоколами заседаний проверочной комиссии по чистке партии за 1929 год, списками исключённых из партии, карточками учёта взысканий за 1932–1933 годы, Резолюцией 10-го пленума Карагандинского окрком ВКП(б), а также другими материалами, отражающими идеологическую линию центра, в том числе Стенограмма собрания актива городской партийной организации 1934 года.

Резолюция 10-го пленума Карагандинского окрком ВКП (б), проходившая в январе 1929 года обобщая итоги чистки, отмечала, что она проходила «при широком и активном участии... батрацко-бедняцких масс... усиливая их влияние и интерес к жизни партии». Таким образом, партийная чистка приобретала характер публичной мобилизации беднейших слоёв, направленной на устранение «чуждых» или неблагонадёжных элементов [30; 20].

Документы архива позволяют реконструировать не только механизм партийной чистки, но и выявить характер, логику и последствия решений, принимавшихся в отношении конкретных членов партии. Анализ архивных документов выявляет многослойность причин, по которым члены и кандидаты ВКП(б) исключались из рядов партии. Среди основных можно выделить следующие группы мотивов:

1. Идеологические и политические обвинения. Часто фигурировала связь с алашординцами или представителями «байского элемента». Приведем пример из протокола № 2 заседания райпроверкомиссии по чистке членов и кандидатов ВКП(б) по Аксаринскому району от 2-3 августа 1929 года:

Жундыбаев Исакан Жундыбаевич, в партии с 15 декабря 1926 года, состоит в ячейке № 13 поселка «Энбек», год рождения 1896, национальность — казах, соцпроисхождение — крестьянин, соцположение — рабочий, производственный стаж 15 лет, малограмотный — самоучка, познание — прошел школу передвижек. В момент проверки в своем хозяйстве имеет одну лошадь, две дойные коровы, два барана, ½ десятины посева, в семье 6 душ, из них нетрудоспособных — 3.

Обвинение: Имеет связь с чуждыми элементами — алашординцем Алимбековым И. и баем Тойчибаевым. У последнего пользовался лошадьёю, защищал их интересы при конфискации баев, полуфеодалов, на беспартийных собраниях выступал в защиту последних, за что райкомом ВКП(б) был снят с должности секретаря аулсовета и объявлен выговор. Являясь фактически главой хозяйства от имени 80-летнего отца принес жертвы на «Курбан — Айт».

Постановили: Ввиду доказательности обвинения: о связи с чуждыми для партии элементами, выразившимися в защите их от конфискации на бедняцких собраниях, пользованием лошадьёю бая и соблюдении религиозных традиций — принесение жертв на «Курбан — Айт» Жундыбаева Исакана из рядов ВКП(б) исключить» [31; 33].

Подобные связи трактовались как враждебная деятельность. Прямые обвинения в однотипных «делах» включали формулировки: «имеет связь с чуждым элементом», «защитник баев», «не проводит линию партии» и др.

2. Социальное происхождение и бытовое поведение. Преступными считались действия, которые выходили за рамки партийного аскетизма или подрывали дисциплину: пьянство, взятие калыма, отказ от коллективизации и др. Пример: Шотбаев Калык Шонтаевич был исключён из рядов ВКП(б) за получение за сестру калыма — 1 кобылы, 1 быка, 1 танчи, 1 барана, 1 халата, 1 седла и 5 рублей [31; 34].

Член ВКП(б) Нурмагамбетов в бытность в Аксаринской волости просватал свою дочь комсомолку без её согласия за сына бая для обновления родственной связи и получения от него калыма:

сельхозмашину, рыжую кобылу, которую зарезал на согым и мышастого коня. При вступлении в партию скрыл, что у него отец является бывшим баем и биём. Являясь членом ВКП(б), до сего времени не порвал связь с отцом и в данное время имеет тесную связь, за что райпроверкомиссия по Кувскому району своим постановлением от 23 августа 1926 г. из рядов ВКП(б) исключила [32; 45].

Аязбаев скрыл при поступлении в партию свое социальное положение. Крестьянин. В хозяйстве имеет: 11 крупных, 2 мелких лошадей, 8 крупных и 2 мелких коровы, 1 верблюда, 30 баранов, грамотный. С целью прикрытия своего социального происхождения приобрел звание рабочего на заводе Ридер. Прикрывается как чернорабочий. Платил калым за свою жену, получал калым за свою сестру. Отец — поставщик, аксакал аула, живут совместно, применял издевательства по отношению к отдельным батракам (избиение пастуха Юсупова). Женится за калым: отдал 3-х быков, 2 коровы, 2 лошади, и 100 рублей денег, а также сестру продал за калым: получил 1 кобылу, 1 тай, 100 рублей денег... Из рядов ВКП(б) исключить, дело передать прокурору для привлечения по судебной линии [33; 49].

Эти примеры позволяет говорить о широком диапазоне причин, зачастую выходящих за рамки политических критериев, и свидетельствует о борьбе партии не только с политической оппозицией, но и с традиционными культурными практиками.

3. Хозяйственные нарушения. Исключения также нередко производились за убытки, растраты, «развал общепита», использование ресурсов не по назначению и пр. Пример из списков: «За разбазаривание продуктов», «За растрату и связь с чужеродным элементом осуждён нарсудом», «за разложение труддисциплины и систематическую пьянку» [33; 51].

4. Административно-бюрократические поводы. Многие случаи касались невыплаты членских взносов, непосещения политучёбы, непроизводительных командировок и т.п. Так, Куртанов Карбан, член партии с 1931 года исключен за неуплату членских взносов и пассивность; Бухаршин К., член партии с 1929 года исключен за развал партработы и пассивность. Такие формальные поводы, как видно, также широко использовались в механизме партийной чистки. Кроме того, интересна также такая формулировка, как «пассивное пребывание в партии», за которую пострадали 18,7 % исключенных [34; 89–92].

Чаще всего в списках исключенных звучат двойственные трактовки «вычищения». Например, Джумабеков в партии с 1932 года — исключен за убой скота и потерю классовой бдительности; Блудчин Семен в партии с 1931 года — исключен за систематическую пьянку и дискредитацию; Байгарин Ахметкан — в партии с 1932 года — исключен за связь с чуждыми элементами и протекуланнизм; Колдаспаев Кашкымбай — в партии с 1920 года исключен за разложение партработы, зажим критики и самокритики; Сухоруков Сергей Петрович в партии с 1931 года — исключен за дезертирство и нарушение партдисциплины. Упоминались также «бюрократизм, бесхозяйственность и нарушение трудовой дисциплины» (за это пострадали 5,8 % исключенных), а также «пьянство и исполнение религиозных обрядов» [34; 89–92].

В списках исключенных за 1932-1933 годы начинают встречаться формулировки «отдан под суд», «осужден», «дело направлено в ревтрибунал». Так, Масленников Иван Радионович, член партии с 1930 года — исключен за растрату и связь с чуждым элементом и осужден нарсудом; Иваков Иван Васильевич, член партии с 1918 года исключен за великодержавный шовинизм — в связи с отдачей под суд, от суда сбежал; Акимберов Джука, член партии с 1931 года исключен за хищение и разбазаривание продуктов и как социально — чуждый элемент отдан под суд; Тыспеков Саилула, член партии с 1931 года — исключен за расхищение колхозного имущества — материал передан суду — сбежал от суда [34; 89–92].

Таким образом, механизм исключений носил ярко выраженный идеологический, репрессивный и дисциплинарно-контролирующий характер, что позволяло партии осуществлять не только внутреннюю селекцию, но и социальную инженерию на местах.

Анализ статистических отчетов (сводок) итогов проверки и чистки личного состава партии в 1929 году показал, что из 206 коммунистов, состоящих на учете в результате чистки исключено 26 человек или 12 %. Из числа исключенных 49 % составляют крестьяне и служащие. Интересны и данные о партийном стаже вычищенных: со стажем до 1916 г. — 1,2 %; с 1917 до 1921 гг. — 7,7 %; с 1922 до 1923 гг. — 12,1 %; с 1924 до 1925 гг. — 7,4 %; с 1926 до 1927 гг. — 2 %; с 1928 г. — 5,5 % и с 1929 г. — 2,9 % [34; 1].

По вышеуказанным архивным материалам трудно проследить тех, кто был подвержен политическим репрессиям после исключения из партии. Вместе с тем, репрессивная политика государства бы-

ла нацелена на искоренение остатков социально и политически «чуждых» слоев и групп населения, а «пятна» в биографии и прошлые «политические грехи» могли сыграть роль при выборе жертв на следующем этапе репрессивной политики, так как в действии механизма отбора жертв среди партийных, советских и хозяйственных руководителей решающее значение имели актуальные (на момент репрессий) проявления нелояльности к вышестоящему руководству или неадекватное выполнение спускавшихся сверху плановых заданий, директив и т.д.

Парторганизации Карагандинской области в 1929–1933 годах стали важным полигоном реализации общесоюзной политики партийного обновления и централизации власти. На основании архивных документов, протоколов, дел исключённых и имеющихся научных исследований можно выделить несколько ключевых последствий для политической, социальной и хозяйственной жизни региона.

1. Политическая перестройка и обновление кадрового состава.

Чистки сопровождались увольнением, наказанием и исключением из партии значительной части старых кадров, включая тех, кто имел дореволюционное образование, служил в царской армии или был связан с алашским движением. Одновременно происходило быстрое выдвижение политически лояльных, но зачастую недостаточно опытных функционеров. Это способствовало укреплению вертикали власти, но вело к падению уровня компетентности, усилению формализма и бюрократизации. В постановлении бюро Казахского краевого комитета ВКП(б) от 23–29 сентября 1933 года говорится об укреплении органов юстиции: «Ввиду наличия огромного количества чужаков, вредителей и контрреволюционных элементов, сидящих в аппарате судебных органов и прокуратуры немедленно произвести по всему краю пересмотр состава судебных и прокурорских работников и подобрать не менее 150–200 работников из низового актива и рабочих, для выдвижения их на судебно-прокурорскую работу [34; 154-155].

В резолюции X пленума Казкрайкома ВКП(б) было отмечено: «...усилилось влияние батрацко-бедняцких масс» [35; 20], что рассматривалось как реализация классового подхода. На практике это означало вытеснение специалистов и усиление идеологической однородности.

Таким образом, в ходе чистки судейского корпуса партийное руководство стремилось не только повысить эффективность правосудия, но и превратить судебную систему в надёжный инструмент политического контроля. В условиях подготовки к Большому террору 1937-1938 гг. такие меры имели превентивный характер и были направлены на устранение даже потенциально «неблагонадёжных» элементов, которые могли помешать реализации репрессивной политики.

2. Рост страха, взаимного контроля и внутрипартийной цензуры.

Случаи, подобные делу Жундыбаева Исакана, когда его неосторожное некоммунистическое высказывание на общем ячейковом собрании по вопросам народного образования стало основанием для партийного предупреждения, свидетельствует о создании атмосферы подозрительности. В партийных коллективах усиливалась тенденция к доносам, а личные мнения всё чаще трактовались как «националистические уклоны» или «двурушничество» [35; 33]. Это доказывает, что партийные чистки превращались в механизм насильственной политической социализации, исключая альтернативность мышления и независимость позиции.

3. Социальная трансформация и разрушение традиционного уклада.

Исключение из партии представителей традиционной казахской элиты (баев, алашординцев, дореволюционной интеллигенции), а также их потомков и сторонников сопровождалось не только политической изоляцией, но и социальным разрывом. С разрушением их авторитета происходило перераспределение имущества и разрушение семейных хозяйств; усиление давления в ходе коллективизации; насильственное насаждение новых форм общественных и производственных отношений. Это соответствовало общесоюзной политике «классовой борьбы на селе», но в специфике региона приобрело особенно острые формы из-за слабой социальной инфраструктуры и высокой доли кочевого населения.

4. «Национализм» как политическая угроза.

Одной из наиболее часто применяемых формулировок при исключении из партии в Карагандинской области в 1930–1933 гг. было обвинение в «буржуазном национализме», в первую очередь — казахском. Подобные обвинения опирались на общесоюзную идеологическую линию, согласно которой любое проявление этнокультурной инициативы или критики политики центра трактовалось как контрреволюционная деятельность.

Протоколы собраний партийного актива содержат конкретные тезисы, описывающие сущность «казахского национализма», приравниваемого к попыткам подрыва социалистического строя и откры-

ва Казахстана от СССР. Так, в материалах собрания актива Карагандинской городской партийной организации от 10-11 января 1934 года казахский национализм квалифицировался, ссылаясь на высказывания С. Садвокасова о необходимости гражданского мира, как противодействие социалистическому переустройству аула, а также отказ от классово-борьбы и поддержку байской контрреволюции. Утверждалось, что националисты стремились к разрушению союза с РСФСР, налаживали связи с эмигрировавшими алашординцами, рассчитывая на поддержку империалистических держав. Им инкриминировалось проведение антисоветской линии через культуру, образование и язык путем проникновения в органы власти и образования. В числе «буржуазно-националистических проводников» указывались Наркомпрос (под руководством Садвокасова) и Наркомзем (Султанбеков). Националистические элементы обвинялись в саботаже культурной политики и подрыве коренизации, в формировании «националистической литературы, идеологии и учебных программ», в использовании экономических трудностей для контрреволюционной деятельности. Им также вменялись в вину массовые откочевки, истребление скота и другие формы «подрыва колхозного строительства» [31; 5–8].

Такая идеологическая база создавала условия, при которых любое проявление инакомыслия, в том числе в рамках обсуждения языковой политики или методов хозяйственного управления, легко трансформировалось в обвинение в национализме. Это стало одной из ключевых причин исключения из партии целого ряда казахских коммунистов, обвинённых в «связях с алашординцами» и «национал-уклонизме».

В документах партийных фондов Государственного архива Карагандинской области выявлена информация о разборе апелляций исключённых из партии. Имеются сведения о восстановлении в партии, а также о партийной реабилитации в 1989 году лиц, исключённых из ВКП(б) в 1930-х годах в результате политических репрессий. Так, в архивном фонде 9п — Каркаралинский окружной комитет ВКП(б) отложились: протоколы партколлегии Казкрайкома ВКП(б), партколлегии окружкома, парттройки, парткомиссий по проверке документов по предварительному просмотру приёмных дел по итогам проведения чистки партии; статистические сводки, акты, заключения о ходе и результатах обмена партийных документов, о подготовке, проведении и итогах проверки и чистки партийных организаций округа, списки коммунистов, прошедших проверку партдокументов, списки исключённых из партии, апелляционные заявления исключённых из ВКП(б). В этом же фонде содержатся персональные дела коммунистов за 1929-1936 годы. Часть документов написана арабским шрифтом.

Партийные чистки в Карагандинской области стали не только формой политического контроля, но и мощным инструментом социальной инженерии. Они несли двойственную функцию — укрепление партийной дисциплины и целенаправленное преобразование общества. Эти процессы, сопровождались принудительным внедрением социалистических норм и одновременным демонтажем местных традиционных институтов. Карагандинский регион в этом контексте выступает как лаборатория репрессивной модернизации, где идеологические установки нередко имели приоритет над здравым смыслом и профессионализмом.

Обсуждение

Проведённое исследование партийных чисток в Карагандинской области в 1929–1933 гг. позволяет подтвердить отдельные положения, ранее обозначенные в научной литературе, так и дополнить их за счёт конкретного регионального материала.

Во-первых, партийные чистки конца 1920-х — начала 1930-х годов в Карагандинской области следует рассматривать не только как элемент внутрипартийной дисциплинарной практики, но и как один из ключевых инструментов построения авторитарной управляемой среды в условиях масштабной социальной трансформации. Анализ конкретных дел позволяет увидеть, что исключение из партии зачастую происходило по идеологически обусловленным основаниям — связи с «нацдемами», «бывшими», алашординцами, обвинения в буржуазном национализме и т.д. Эти обвинения демонстрируют стремление к политической селекции — устранению нежелательных или недостаточно лояльных элементов с целью формирования «нового» советского управленца.

Во-вторых, в регионе особое внимание уделялось культурным учреждениям, школам, драмкружкам, педагогическим курсам, что подтверждает более широкое толкование термина «национализм» в интерпретации местных органов. Цитата из протокола собрания актива в Караганде очень показательна: «... в театральных постановках прослеживаются вредные тенденции — акцент на национальной самобытности без пролетарской направленности, что недопустимо...» [32; 6].

В-третьих, результаты исследования уточняют представление о последствиях чисток. Если в более ранних исследованиях (например, Р. Медведева) акцент делался на разрушении старых политических структур, то материалы по Карагандинской области позволяют более точно оценить и социальные последствия: вытеснение представителей традиционной элиты (бывших алашординцев, баев, учителей) сопровождалось ликвидацией хозяйственных ячеек, коллективизацией, разрушением устоявшихся форм быта. Таким образом, партийные чистки неразрывно связаны с процессами насильственной модернизации.

И последнее, указанные процессы вписываются в более широкую концепцию репрессивной мобилизации и модернизации сверху, характерной для авторитарных систем. Сталинская модель модернизации представляла собой «социальную инженерную систему», в которой репрессии и массовые чистки служили способом управляемой селекции и воспроизводства лояльной элиты.

Согласно современным теориям политической модернизации, авторитарные режимы могут осуществлять развитие и трансформацию через мобилизацию населения и контроль над социальной структурой. При этом ключевую роль играют монопольные политические институты, такие как партия, использующие принуждение и контроль как механизм отбора и легитимации новых кадров.

Историография, посвящённая репрессиям в Казахстане, также подчёркивает, что насильственные методы были направлены на разрушение традиционных и автономных элементов социальной структуры, особенно на местном уровне, где сохранялись доиндустриальные формы самоорганизации. В этой связи чистки партийного аппарата в Карагандинской области можно понимать как часть масштабного проекта социального перекодирования, сопровождавшегося централизованной мобилизацией, насильственной селекцией и контролем.

Таким образом, выявленные процессы подтверждают интерпретацию партийных чисток как инструмента репрессивной модернизации — попытки авторитарного режима трансформировать общество сверху, исключая любые формы несогласия и нестабильности.

Выводы

Проведённое исследование позволило систематизировать и уточнить представления о характере и последствиях партийных чисток в Карагандинской области в 1929–1933 гг. На основе анализа нормативно-правовой базы, архивных документов и историографии выявлены особенности местной репрессивной политики как составной части общесоюзной кампании партийного «очищения».

Ключевыми результатами исследования являются: установление роли чисток как инструмента политической перестройки и кадрового обновления под контролем центра; выявление региональной специфики чисток, проявившейся в борьбе с «националистическими уклонами» и исключением представителей казахской интеллигенции; документальное подтверждение репрессивного характера процедур, сопровождавшихся идеологическим давлением и нарушениями принципов правовой защиты; определение влияния чисток на социальную, культурную и управленческую структуру региона.

Результаты исследования обоснованны и репрезентативны, что позволяет говорить о высокой степени достоверности выводов. Тема партийных чисток в Карагандинской области выходит за рамки внутривнутрипартийной истории и демонстрирует, как локальные репрессивные кампании встроены в общесоюзную стратегию тотальной трансформации общества в духе сталинской идеологии и являются составной частью политических репрессий.

Научная ценность работы заключается в привлечении рассекреченных архивных источников, конкретизации локального контекста политических репрессий и дополнении историографии раннего этапа сталинской политики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов при разработке образовательных программ, в преподавании истории Казахстана, а также при подготовке музейных и мемориальных проектов, посвящённых жертвам политических репрессий. Результаты также могут быть полезны для сравнительных региональных исследований, изучения механизмов политического насилия и анализа трансформации партийно-государственной системы в 1920–1930-е годы.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках программ грантовых научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2024-2026 годы, регистраци-

онный номер ИРН АР23486898 «*Политические репрессии на территории Карагандинской области в 1920-1930 гг.*»

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность руководителю отдела использования и публикации архивных документов государственного архива Карагандинской области **Беркун Ольге Евгеньевне**, за профессиональную помощь в поиске и предоставлении архивных материалов и оказавшей существенную поддержку в проведении данного исследования.

Список литературы

- 1 Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет / Дж. Оруэлл; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 384 с.
- 2 Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал [в 2-х т.] / под ред. Ю.Н. Афанасьева. — М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1997. — Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. — 510 с.
- 3 Реабилитация: политические процессы 30-50-х годов / под общ. ред А.Н. Яковлева. — М., 1991. — 461 с.
- 4 Смирнов Н.Г. Репрессированное правосудие / Н.Г. Смирнов. — М.: Гелиос АРВ, 2001. — 301 с.
- 5 Медведев Р.А. К суду истории. О Сталине и сталинизме / Р.А. Медведев. — М.: Время, 2011. — 656 с.
- 6 Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме / Р.А. Медведев. — М.: Прогресс, 1990. — 485 с.
- 7 Папков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 / С.А. Папков. — Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 1997. — 272 с.
- 8 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: политический портрет И.А. Сталина [в 2-х кн.] / Д.А. Волкогонов. — М.: Изд-во АПН, 1989. — Книга II. — 305 с.
- 9 Ципко А.Н. Насилие лжи или как заблудился призрак: об истоках сталинизма / А.Н. Ципко. — М.: Молодая гвардия, 1990. — 271 с.
- 10 Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма / сост. Ю.П. Сенокосов. — М.: Политиздат, 1989. — 367 с.
- 11 Козыбаев М.К. Тоталитарный социализм: реальность и последствия / М.К. Козыбаев, К.С. Алдажуманов. — Алматы: Фонд «21 век», 1997. — 28 с.
- 12 Козыбаев М.К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства / М.К. Козыбаев, Ж. Абылхожин, К.С. Алдажуманов. — Алма-Ата, 1992. — 35 с.
- 13 Козыбаев М. Жауды шаптым ту байлап / М. Козыбаев. — Алматы: Қазақстан, 1994. — 192 б.
- 14 Татимов М.Б. Демографические последствия политических репрессий в Казахстане / М.Б. Татимов // Население Казахстана: история и современность. — Алматы: Атамұра, 2002. — С. 112–127.
- 15 Амрекулов Н.А. Тайна культа личности и ее разоблачение. Эпоха сталинизма, логика ее развития и изживания / Н.А. Амрекулов. — Алма-Ата: Ғылым, 1991. — 240 с.
- 16 Тастанов Ш.О. Казахская интеллигенция в ретроспективе и перспективе / Ш.О. Тастанов // Мысль. — 1995. — № 12. — С. 25–30.
- 17 Осипов В.П. Вспомнивая в 20–30-е годы: из истории организационно-политического развития Компартии Казахстана / В.П. Осипов. — Алма-Ата: Казахстан, 1991. — 161 с.
- 18 Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / сост. Г. Анес. — Алматы, 1998. — 428 с.
- 19 Шаймуханов Д.А. Карлаг / Д.А. Шаймуханов, С.Д. Шаймуханова. — Караганда: Нац. агентство по делам печати и массовой информации Респ. Казахстан, 1997. — 175 с.
- 20 Шаймуханова С.Д. Политические репрессии в Казахстане (30-40-е – начало 50-х гг.) / С.Д. Шаймуханова. — Караганда: КарГТУ, 2000. — 180 с.
- 21 Карлаг: Қапастағылар қаламынан... Суретшілер, мұражайлар, құжаттар, ескерткіштер = Карлаг: Творчество в неволе. Художники, музеи, документы, памятники = Karlag: Creativity in captivity. Artists. Museums. Documents. Monuments [Мәтін]: альбом Карлаг / жалпы ред. басқ. Н.О. Дулатбеков. — Қарағанды: «Арқо» ЖШС, 2009. — 248 б.
- 22 Дулатбеков Н.О. Песчаный лагерь тұтқынының тағдыры = Судьба узника Песчаного лагеря: биография / Н.О. Дулатбеков. — Караганда: «Болашақ-Баспа», 2012. — 141 с.
- 23 Карлаг = Карлаг = Karlag: альбом / жалпы ред. басқарған Н.О. Дулатбеков; құраст.: Н.Т. Жұмаділова, Ж.М. Баймұрынов, Б.А. Жүнісова. — Алматы: Полиграфкомбинат, 2012. — 576 б.
- 24 Карлаг. КСРО БМСБ-ИХК-ИМ Қарағанды еңбекпен түзеу лагері тарихының очерктері (1931–1959) = Карлаг. Очерки истории Карагандинского исправительно-трудового лагеря ОГПУ-НКВД-МВД СССР (1931–1959) = Karlag. Outlines of the history of the Karaganda correctional labour camp of the USSR OGPU-NKVD-MIA (1931–1959) / жалпы ред. басқ.: Н.О. Дулатбеков; құраст.: Т.К. Алланиязов, Н.Т. Жұмаділова, Ж.М. Баймұрынов, Б.А. Жүнісова. — Алматы: Полиграфкомбинат, 2012. — 831 б.

- 25 Дулатбеков Н.О. және т.б. Қарлагтың кара қарындашымен... Зерттеудің жалғасы / Чёрным карандашом Карлага... Продолжение исследования / Karlag in black pencil... Continuation of research / Н.О. Дулатбеков және т.б. — Қарағанды, 2021. — 168 б.
- 26 Сактаганова З.Г. Политические репрессии в Казахстане в 1920-1980-е гг.: этапы, последствия и проблемы реабилитации / З.Г. Сактаганова // Отан тарихы. — 2021. — № 3. — С. 136–144.
- 27 Сактаганова З.Г. Дети казахстанских лагерей ГУЛАГа и спецпоселений. 1930-е –1950-е гг.: коллективная монография / З.Г. Сактаганова, К.К. Абдрахманова и др. — Караганда: Print, 2024. — 520 с.
- 28 Государственный архив Карагандинской области (далее — ГАКО). — Ф. 3п. — Оп. 1. — Д. 50.
- 29 О чистке партии. Постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) от 28 апреля 1933 г. Приложение № 6 к п. 35/22 пр. ПБ № 137. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://istmat.org/node/58868>
- 30 ГАКО. — Ф. 717. — Оп. 2. — Д. 227.
- 31 ГАКО. — Ф. 9п. — Оп. 1. — Д. 38.
- 32 ГАКО. — Ф. 363. — Оп. 3. — Д. 1.
- 33 ГАКО. — Ф. 3п. — Оп. 1. — Д. 31.
- 34 ГАКО. — Ф. 9п. — Оп. 1. — Д. 36.
- 35 ГАКО. — Ф. 717п. — Оп. 2. — Д. 27.

В.В. Козина

1929–1933 жылдары Қарағанды облысындағы партиялық және мемлекеттік аппаратты тазарту саяси қуғын-сүргіннің құрамдас бөлігі ретінде

1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардың басында Кеңес Одағы терең саяси және әлеуметтік өзгерістер кезеңіне енді. Индустриялық аймақ ретінде белсенді дамып келе жатқан Қарағанды облысы мемлекеттік және партиялық аппаратты «тазарту» шараларын қамтыған жаппай саяси қуғын-сүргін аренасына айналды. Бұл шаралар бақылауды күшейту, оппозицияны жою және партияны «сенімсіз элементтерден» тазарту құралы ретінде қарастырылды. Мақалада 1929–1933 жылдардағы Қарағанды өңірінде жүргізілген партиялық тазартулар зерттелді. Зерттеу Қарағанды облыстық мемлекеттік мұрағатының (ҚОММ) материалдарына, соның ішінде нормативтік-құқықтық құжаттарға, тексеру комиссиялары отырыстарының хаттамалары мен БК(б)П қатарынан шығарылғандардың тізімдеріне сүйенеді. Партия мүшелерінің кеңеске қарсы әрекеттері, революциялық элементтермен байланысы, тәртіптен жалтаруы және социалистік идеологияны бұзғаны үшін қатардан шығарудың нақты мысалдары қарастырылады. Сонымен бірге көптеген құжаттар ұзақ уақыт құпия сақталып, тек соңғы жылдары ғылыми айналымға түсе бастағандықтан, мұрағаттық базаның шектеулілігі тазарту механизмінің толық бейнесін бермейді. Осыған қарамастан бұл зерттеу партиялық актив пен БК(б)П ОК мүшелерінің көпшілігіне қарсы қуғын-сүргіндердің басты себебін анықтауға және 1929–1933 жылдардағы партия аппаратын тазарту аймақтағы саяси қуғын-сүргіннің маңызды бөлігі болғанын дәлелдеуге мүмкіндік береді. Бұл оқиғалар Қарағанды облысының дамуына және мыңдаған адамдардың тағдырына елеулі әсер етіп, Қазақстан тарихындағы қайғылы беттердің бірі болды.

Кілт сөздер: Қазақстан, Қарағанды облысы, партиялық тазартулар, БК(б)П, контрреволюция, партиялық жаза, ұлтшылдық, әлеуметтік қайта құру, архив материалдары.

V.V. Kozina

The Purge of the Party and State Apparatus of the Karaganda Region in 1929–1933 as a Component of Political Repressions

In the late 1920s and early 1930s, the Soviet Union entered a period of profound political and social transformation. The Karaganda region, which was actively developing as an industrial center, became a stage for mass political repression, including purges of the state and party apparatus. These measures were seen as a means of tightening control, eliminating opposition, and “cleansing” the party of “unreliable elements.” This article investigates the party purges of 1929–1933 in the region based on materials from the State Archive of the Karaganda Region (GAKO), including regulatory documents, minutes of inspection commission meetings, and lists of those expelled from the All-Union Communist Party (Bolsheviks). The study examines cases of expulsion for anti-Soviet activities, connections with counter-revolutionary elements, disciplinary violations, and breaches of socialist ideology. At the same time, the limited availability of archival sources—many of which were classified for decades and only recently became accessible to researchers—prevents a full understanding of the purge mechanisms and the distinctions and interconnections between their various stages.

Nonetheless, this research allows for the identification of the main reasons behind the repression of a significant portion of the party leadership and members of the Central Committee of the VKP(b), and concludes that the purge of the party apparatus in 1929–1933 was a crucial component of political repression in the region, having a devastating impact on the development of Karaganda and the lives of thousands, marking a tragic chapter in the history of Kazakhstan.

Keywords: Kazakhstan, Karaganda region, party purges, VKP(b), counterrevolution, party sanctions, nationalism, social restructuring, archival materials.

References

- 1 Orwell, J. (1989). *«1984» i esse raznykh let* [“1984” and essays of different years]. Moscow: Progress [in Russian].
- 2 Afanasiev, Yu.N. (Ed.). (1997). *Sovetskoe obshchestvo: vznikoveniye, razvitiye, istoricheskii final* [Soviet society: emergence, development, historical finale]. (Vols. 1-2). Vol. 1. Ot vooruzhennogo vosstaniia v Petrograde do vtoroi sverkhderzhavy mira Ot vooruzhennogo vosstaniia v Petrograde do vtoroi sverkhderzhavy mira [From the armed uprising in Petrograd to the world's second superpower]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet [in Russian].
- 3 Yakovlev, A.N. (Ed.). (1991). *Reabilitatsiia: politicheskie protsessy 30–50-kh godov* [Rehabilitation: political processes of the 1930s–1950s]. Moscow [in Russian].
- 4 Smirnov, N.G. (2001). *Repressirovannoe pravosudie* [Repressed justice]. Moscow: Gelios ARV [in Russian].
- 5 Medvedev, R.A. (2011). *K sudu istorii. O Staline i stalinizme* [To the court of history. On Stalin and Stalinism]. Moscow: Vremia [in Russian].
- 6 Medvedev, R.A. (1990). *O Staline i stalinizme* [On Stalin and Stalinism]. Moscow: Progress [in Russian].
- 7 Papkov, S.A. (1997). *Stalinskii terror v Sibiri. 1928–1941* [Stalinist terror in Siberia. 1928–1941]. Novosibirsk: Izdatelstvo Sibirskogo otdeleniia RAN [in Russian].
- 8 Volkogonov, D.A. (1989). *Triumf i tragediia: politicheskii portret I.A. Stalina* [Triumph and tragedy: political portrait of I.A. Stalin]. (Books 1-2). Book II. Moscow: Izdatelstvo APN [in Russian].
- 9 Tsipko, A.N. (1990). *Nasilie lzhi ili kak zabludilsia prizrak: ob istokakh stalinizma* [Violence of lies, or how the ghost went astray: on the origins of Stalinism]. Moscow: Molodaia gvardiia [in Russian].
- 10 Senokosov, Yu.P. (Comp.). (1989). *Surovaia drama naroda: uchenye i publitsisty o prirode stalinizma* [Harsh drama of the people: scholars and publicists on the nature of Stalinism]. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 11 Kozybayev, M.K., & Aldazhumanov, K.S. (1997). *Totalitarnyi sotsializm: realnost i posledstviia* [Totalitarian socialism: reality and consequences]. Almaty: Fond «21 vek» [in Russian].
- 12 Kozybayev, M., Abylkhozhin, Zh., & Aldazhumanov, K.S. (1992). *Kollektivizatsiia v Kazakhstane: tragediia krestianstva* [Collectivization in Kazakhstan: tragedy of the peasantry]. Alma-Ata [in Russian].
- 13 Kozybayev, M. (1994). *Zhauty shapтым tu bailap* [I attacked the enemy raising the banner]. Almaty [in Kazakh].
- 14 Tatimov, M.B. (2002). Demograficheskie posledstviia politicheskikh repressii v Kazakhstane [Demographic consequences of political repressions in Kazakhstan]. *Naselenie Kazakhstana: istoriia i sovremennost — Population of Kazakhstan: history and modernity* (pp. 112–127). Almaty: Atamura [in Russian].
- 15 Amrekulov, N.A. (1991). *Taina kulta lichnosti i ee razoblachenie. Epokha stalinizma, logika ee razvitiia i izzhivaniia* [The secret of the cult of personality and its exposure. The era of Stalinism, logic of its development and overcoming]. Alma-Ata: Gylym [in Russian].
- 16 Tastanov, Sh.O. (1995). Kazakhskaiia intelligentsiia v retrospektive i perspektive [Kazakh intelligentsia in retrospect and perspective]. *Mysl*, 12, 25–30 [in Russian].
- 17 Osipov, V.P. (1991). *Vsmatrivaia v 20–30-e gody: iz istorii organizatsionno-politicheskogo razvitiia Kompartii Kazakhstana* [Looking into the 1920s–1930s: from the history of organizational and political development of the Communist Party of Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 18 Anes, G. (Comp.). (1998). *Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sudby* [Deported peoples to Kazakhstan: time and destinies]. Almaty [in Russian].
- 19 Shaimukhanov, D.A., & Shaimukhanova, S.D. (1997). *Karlag* [Karlag]. Karaganda: Natsionalnoe agentstvo po delam pechati i massovoi informatsii Respubliki Kazakhstan [in Russian].
- 20 Shaimukhanova, S.D. (2000). *Politicheskie repressii v Kazakhstane (30–40-e — nachalo 50-kh gg.)* [Political repressions in Kazakhstan (1930s–1940s — early 1950s)]. Karaganda: KARGTU [in Russian].
- 21 Dulatbekov, N.O. (Ed.). (2009). *Qarlag: Qapastagylar qalamynan... Suretshiler, murazhailar, quzhattar, eskertkishter = Karlag: Tvorchestvo v nevole. Khudozhniki, muzei, dokumenty, pamiatniki = Karlag: Creativity in captivity. Artists. Museums. Documents. Monuments*. Karaganda: “Arko” ZhShS [in Kazakh, in Russian, in English].
- 22 Dulatbekov, N.O. (2012). *Peschanyi lager tutqynyn tagdyry = Sudba uznika Peschanogo lageria* [The fate of a prisoner of the Sandy Camp]. Karaganda [in Russian].
- 23 Zhumadilova, N.T., Baimurynov, Zh.M., & Zhynisova, B.A. (Comp.). (2012). *Qarlag = Karlag = Karlag: album*. N.O. Dulatbekov (Ed.). Almaty: Poligrafkombinat [in Kazakh, in Russian, in English].

- 24 Allaniiazov, T.K., Zhumadilova, N.T., Baimurynov, Zh.M., & Zhunisova, B.A. (Comp.). (2012). *Qarlag. KSRO BMSB-IIKhK-IIM Qaragandy enbekpen tuzeu lageri tarikhynyn ocherkteri (1931-1959) = Karlag. Ocherki istorii Karagandinskogo ispravitelno-trudovogo lageria OGPU–NKVD–MVD SSSR (1931-1959) = Karlag. Outlines of the history of the Karaganda correctional labour camp of the USSR OGPU–NKVD–MIA (1931-1959)*. N.O. Dulatbekov (Ed.). Almaty: Poligrafkombinat [in Kazakh, in Russian, in English].
- 25 Dulatbekov, N.O. et al. (2021). *Qarlagtyñ qara qaryndashymen... Zertteudin zhalgasy = Chernym karandashom Karлага. Prodlzhenie issledovaniia = Karlag in black pencil... Continuation of research*. Karaganda [in Kazakh, in Russian, in English].
- 26 Saktaganova, Z.G. (2021). Politicheskie repressii v Kazakhstane v 1920–1980-e gg.: etapy, posledstviia i problemy reabilitatsii [Political repressions in Kazakhstan in the 1920s–1980s]. *Otan tarikhy — History of the Homeland*, 3, 136–144 [in Russian].
- 27 Saktaganova, Z.G., & Abdrakhmanova, K.K. et al. (2024). *Deti kazakhstanskikh lagerei GULAGA i spetsposelenii. 1930-e–1950-e gg.* [Children of Kazakhstan GULAG camps and special settlements]. Karaganda: Print [in Russian].
- 28 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 3P. — Op. 1. — D. 50 [in Russian].
- 29 O chistke partii. Postanovlenie TsK i TsKK VKP(b) ot 28 apreliia 1933 g. [On the party purge. Resolution of the Central Committee and Central Control Commission of the CPSU(b) of April 28, 1933]. *istmat.org*. Retrieved from <https://istmat.org/node/58868> [in Russian].
- 30 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 717. — Op. 2. — D. 227 [in Russian].
- 31 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 9P. — Op. 1. — D. 38 [in Russian].
- 32 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 363. — Op. 3. — D. 1 [in Russian].
- 33 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 3P. — Op. 1. — D. 31 [in Russian].
- 34 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 9P. — Op. 1. — D. 36 [in Russian].
- 35 GAKO [State Archive of Karaganda region]. — F. 717P. — Op. 2. — D. 27 [in Russian].

Сведения об авторе

Козина Валерия — доктор исторических наук, профессор, Карагандинский национальный исследовательский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан; <https://orcid.org/0000-0003-3185-5979>

Information about the author

Kozina Valeria — Doctor of Historical Sciences, Professor, Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan; <https://orcid.org/0000-0003-3185-5979>